

АКАДЕМИЯ ГРЕХА

Властный Учитель

Пленница Академии

В этом мире она — его собственность.
Но кто на самом деле держит поводок?

ВЛАСТНЫЙ ГЕРОЙ ОТ НЕНАВИСТИ ДО ЛЮБВИ УЧИТЕЛИ И УЧЕНИЦА ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО

ГРИГОРЬЕВ АЛЕКСАНДР

Григорьев Степанович Властный Учитель: Пленница Академии

<https://litres.ru/74267923>

Аннотация

Меня похитили прямо из ординаторской. Элитный убийца, Магистр Ворон, запер меня в подпольной Академии наемников, чтобы сделать своим идеальным инструментом. Здесь нет места жалости, а его холодная жестокость — закон. Он поставил условие: либо я пройду его личный курс выживания, либо стану учебным пособием в морге. Он — властный хищник, не принимающий отказов. Я — его пленница, которая не станет молить о пощаде. Но когда «от ненависти до любви» остается один шаг, а его одержимость мной превращается в угрозу для всей Академии, главное — не стать пешкой в его игре.

Содержание

Глава 1. Похищение	4
Глава 2. Пункт назначения — ад	11
Глава 3. Первый взгляд хищника	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1. Похищение

Тьма была не просто отсутствием света — она давила на глазные яблоки, вдавливала их в череп, заставляла думать, что я ослепла. Но нет. Глаза открыты. Просто вокруг ничего нет. Или я ничего не вижу из-за ткани, грубо прилепленной к лицу? Руки — они существуют отдельно от меня, потому что я не чувствую пальцев. Только онемение, переходящее в жгучую боль, когда пытаюсь пошевелиться. Запястья стянуты чем-то жестким, пластик или ремень, впивается в кожу при каждой попытке вырваться.

И запах. Первое, что возвращает меня в реальность — запах. Кровь. Не моя. Чужая, старая, въевшаяся в деревянный пол или ткань — я не знаю, где нахожусь. Смесь железа, дешевого антисептика и еще чего-то сладковато-приторного, отчего желудок сжимается в узел. Горелая проводка? Или дым от сигарет, забитый в щели.

Фургон. Я поняла это по движению. По тому, как мое тело перекачивается с бока на бок при каждом повороте, как глухо стучат колеса на стыках асфальта. Подо мной что-то жесткое, резиновый коврик или брезент, пропитанный влагой. Не холод — скорее липкая сырость, какая бывает в подвалах после потопа.

Последнее воспоминание рубленое, как неудачный разрез: операционная, зеленая стена ординаторской, чей-то си-

луэт в дверях. Я подумала: «Наверное, санитар». Потом укол в шею — резко, не профессионально, сломанная игла? Я успела почувнуть металлический привкус во рту прежде, чем пол ушел из-под ног.

Сейчас язык распух, во рту вата. Кляп? Да, что-то засунуто между зубов, полоска ткани, намотанная на голову и завязанная сзади. Я могла бы кричать, но звук утонет в собственном горле.

— Очнулась.

Голос справа. Хриплый, равнодушный, как у мясника, который перебирает туши. Я не могу повернуть голову — мышцы шеи одеревенели, каждое движение отдает искрами в позвоночник.

— Молчит, — говорит другой, с акцентом, который я не разберу. — Может, еще уколоть?

— Не надо. Ворон сказал: доставить живой и в сознании. Через полчаса будем на месте.

Ворон. Имя падает в темноту, как камень в колодец. Я не знаю этого имени. Но то, как они его произнесли — с заминкой, с уважением пополам со страхом, — заставляет сердце биться где-то в горле.

Я пытаюсь согнуть пальцы. Получается. Значит, паралич проходит. Пластиковые стяжки на запястьях, я чувствую их край — острый, может, перерезать о металлический край скамьи? Медленно, не привлекая внимания, я подвигаю руки к ребру сиденья. Холодный металл, шершавый, есть за-

усенцы. Тру запястьем — больно, но стяжка не поддается.

— Шевелится, — замечает первый. — Живучая.

— Ворон сказал: хирург. Они все такие. Привыкли бороться за жизнь. Даже за свою.

Смешок. Короткий, без эмоций.

Я закрываю глаза. Бесполезно — под повязкой все равно темно. Но так легче сосредоточиться. Дыхание. Ритм. Вдох на четыре, выдох на шесть. Этому учили на первом курсе анестезиологии: когда пациента накрывает паника, твое спокойствие — единственное лекарство. Сейчас я сама себе пациент.

Они везут меня к Ворону. Кто этот Ворон? Имя звучит как кличка. Или псевдоним. В моем мире, в больничных коридорах, у нас были клички — Топор (хирург, который слишком любил ампутации), Доктор Смерть (патологоанатом с черным юмором). Но это — другое. Ворон. Жесткое, черное, хищное.

Фургон замедляется. Гравий под колесами, потом бетон, потом полная тишина, только гул мотора отражается от стен. Мы въехали в здание. Я чувствую по смене давления: закрытое пространство, гараж или ангар. Глохнет двигатель. Хлопают двери.

— Тащите ее.

Меня хватают за плечи, под мышки, волокут как куклу. Ноги не слушаются — они затекли, иголки бегают по икрам. Я натыкаюсь на ступеньку, кто-то матерится, подхватывает

за талию. Рука — чужая, горячая, скользит по ребрам, сжимает грудь случайно, без всякого смысла. Просто удобнее тащить. Но меня передергивает, и я издаю звук — сдавленный, звериный, сквозь кляп.

— Заткнись.

Лифт? Двери открываются с шипением, нас вталкивают, я чувствую движение вверх. Пахнет озоном и машинным маслом. Три этажа? Пять? Счет теряется.

Когда двери открываются снова, воздух меняется. Здесь холодно. Стерильно. Запах формальдегида и хлорки — больницы, знакомый до омерзения. Я знаю этот запах. Он преследует меня с ординатуры. Но здесь он гуще, агрессивнее, как в прозекторской.

Меня ставят на ноги. Веревка на лодыжках? Нет, просто стяжки, но я чувствую, что идти могу. Кто-то срывает повязку с глаз.

Свет бьет как пощечина. Я жмурюсь, слезы текут сами собой. Передо мной — коридор. Белые стены, белый пол, люминесцентные лампы под потолком, от которых гудит в зубах. Ни окон. Ни дверей, кроме одной — в конце, железной, с круглым иллюминатором как на подводной лодке.

— Магистр Ворон ждет, — говорит тот, с акцентом. Я наконец вижу его — бритоголовый, широкий, на шее татуировка, цифры. Он не смотрит на меня. Он смотрит куда-то поверх моего плеча, как будто я мебель.

— Она еще в кляпе, — замечает второй, пониже, с роди-

мым пятном на щеке.

— Пусть. Ворон сам решит.

Меня толкают в спину. Я делаю шаг, второй. Ноги дрожат, но я не падаю. Не сейчас. Не перед ними. Это единственное, что осталось — не показать страх. Врач не боится крови. Врач не боится смерти. Я повторяю это как мантру, но внутри все кричит: *ты понятия не имеешь, куда попала*.

Железная дверь открывается с гидравлическим вздохом. Я вхожу.

Кабинет. Большой. Темный, несмотря на лампы. Стены в деревянных панелях — неожиданно, после стерильного коридора. Пахнет старыми книгами, табаком и чем-то металлическим, что я не могу определить. В центре — стол. За столом — он.

Магистр Ворон.

Я ожидала увидеть кого-то огромного, звероподобного, с лицом в шрамах. Но он... другой. Мужчина лет тридцати пяти, темные волосы зачесаны назад, острые скулы, губы тонкие, почти невидимые в полумраке. Он одет в черную водолазку и серый пиджак, без галстука. Дорого. Просто. И так, что становится понятно: он не нуждается в униформах, чтобы внушать страх.

Глаза. Серые. Ледяные. Без единого проблеска. Он смотрит на меня, и я чувствую себя так, будто меня препарируют под микроскопом — без наркоза.

— Развяжите, — говорит он. Голос низкий, ровный, без

интонации. Как лезвие скальпеля, только что вынутого из стерилизатора.

Первый охранник подходит, срывает кляп. Ткань отлипает от губ, во рту сразу становится влажно и солоно от крови — я прокусила щеку, сама не заметив.

— Воды, — произносит он, и второй ставит на стол пластиковый стакан.

Ворон не двигается. Он ждет. Я смотрю на стакан. Хочу пить так, что горло склеилось, но я не сделаю шаг. Не попрошу. Не подойду.

— Ты не пьешь? — спрашивает он, и в голосе — тень интереса. Первая эмоция за все время.

— Я не пью из посуды, которую мне подают похитители, — отвечаю я. Голос хрипит, но слова получаются четкими. Хотя бы это.

Он молчит. Три секунды. Пять. Потом уголок его губ чуть-чуть, едва заметно, поднимается.

— Она забавная, — говорит он не мне, охранникам. — Оставьте нас.

Дверь закрывается. Мы одни.

— Меня зовут Даниэль Ворон, — произносит он, вставая из-за стола. Я вижу, что он высокий, шире в плечах, чем казалось сидя. — Ты в Академии жизни и смерти. Твой старый мир закончился четыре часа назад, когда тебе сделали инъекцию сукцинилхолина в шестой шейный позвонок.

Я молчу. Внутри — черная дыра. Он знает мои шейные

позвонки. Он знает, кто я. Это не случайное похищение ради выкупа.

— Ты талантливый хирург, Алиса. Лучшая на курсе, три научных работы, отличные руки, ювелирная точность. Дар, который редко встречается. — Он подходит ближе, и я не отступаю. Не могу. Ноги приросли к полу. — Ты будешь работать на нас. Обучать наших оперативников делать так, чтобы следы операции выглядели как естественная смерть. Или, если потребуется, наоборот — чтобы смерть нельзя было отличить от хирургической ошибки.

— Вы псих, — выдыхаю я.

— Возможно. — Он останавливается в метре от меня. Достаточно близко, чтобы я чувствовала его запах — кожа, кофе, и под этим легкая горечь, как от пороха. — Но это не меняет твоего положения. Ты либо работаешь на меня, либо становишься учебным пособием в морге. Выбирай.

Я выбрала ненависть, — думаю я, глядя в эти серые глаза без единой эмоции.

Но вслух говорю только одно слово, которое, как мне кажется, сохранит мне жизнь еще на минуту:

— Работаю.

Глава 2. Пункт назначения — ад

Вибрация меняется. Я чувствую это даже сквозь онемение в ногах и тупую пульсацию в затылке. Фургон больше не прыгает на стыках асфальта — теперь колеса шуршат по гладкому, как на парковке. И уклон. Мы спускаемся вниз, медленно, градус за градусом, и воздух становится тяжелее, сырее. Запах бетона и машинного масла просачивается сквозь щели в кузове, смешиваясь с тем сладковатым железом, что въелся в ткань кляпа.

Я все еще связана. Запястья горят — стяжки впились в кожу, наверное, уже стерли ее до крови. Пальцы отекли, я не чувствую мизинца на левой руке. Хороший хирург не может позволить себе повредить руки. Эта мысль приходит сама собой, автоматическая, как дыхание. *Береги руки. Они твой инструмент.* Глупо. Сейчас мои руки — единственное, что меня удерживает в реальности, когда темнота за повязкой давит на глазные яблоки с такой силой, что кажется — они вваливаются внутрь черепа.

Фургон останавливается. Рывок, и мое тело заваливается набок — плечо ударяется о металлический борт, боль вспыхивает и гаснет, перекрытая общим оцепенением. Двигатель глохнет. Тишина наваливается мгновенно, плотная, как вата.

Я слышу, как открываются передние двери. Скрип, тяжелые шаги по бетону. Двое, нет — трое. Их голоса глухие, от-

ражаются от высокого потолка гаража. Я не разбираю слов, только интонации: деловая, без напряжения. Они делают это каждый день.

— ...этого первым.

Кто-то подходит к задним дверям фургона. Замок щелкает, и воздух снаружи врывается внутрь — холодный, с примесью выхлопных газов и еще чего-то химического, что щиплет нос. Меня не вытаскивают. Сначала шум, возня — из кузова выволакивают кого-то другого.

— Не надо, пожалуйста, я заплачу, у меня есть деньги, я...

Голос. Мужской, молодой, срывающийся на фальцет. Я не вижу его, но слышу каждую дрожь в связках. Ему, наверное, лет двадцать. Или меньше. Он был здесь, в этой темноте, вместе со мной все это время — и я не знала. Думала, я одна.

— Заткнись, — бросает один из похитителей равнодушно.

— Пожалуйста, я сделаю что угодно, я...

Выстрел.

Звук короткий, сухой, не как в кино. Хлопок, и сразу — тишина. Без эха, потому что бетонные стены гаража съедают звук. Я вздрагиваю всем телом, от макушки до пяток, и чувствую, как мышцы живота сводит судорогой. Тошнота подкатывает к горлу, и я зажмуриваюсь под повязкой, потому что если сейчас меня вырвет, я захлебнусь кляпом.

Тишина. Потом звук падения — тяжелого мешка с песком. Тело. Тело, которое только что умоляло.

— Грузите следующую, — говорит тот же голос. Без паузы. Без сожаления.

Меня выволакивают.

Чьи-то руки хватают за лодыжки, тащат по шершавому полу фургона, и край борта врежется в поясницу — я не успеваю вскрикнуть, только сдавленный мык сквозь ткань. Свет бьет даже сквозь повязку — красное марево, вспышка, и я слышу, как кровь шумит в ушах.

Кто-то подхватывает меня под мышки, ставит на ноги. Ноги не держат. Они подгибаются, как ватные, и меня удерживают только эти железные пальцы на ребрах.

— Смотри, — говорит тот, что справа, и я понимаю: он обращается ко мне. Он наклоняет мою голову, заставляя смотреть туда, куда я не хочу.

Я вижу. Повязку сорвали, и я вижу.

Бетонный пол, залитый маслом и чем-то еще. В пяти метрах от меня — тело. Мужчина в простой серой толстовке, лицом вниз, и вокруг головы расплывается лужа. Темная, почти черная в этом призрачном свете люминесцентных ламп. Его пальцы еще подрагивают — агония, последние сигналы нервов, которые не поняли, что хозяин уже мертв.

Я не могу отвести взгляд. Врач не отводит взгляд от смерти. Это профессиональное. *Оцени. Входное отверстие? Не видно. Выстрел в затылок. Мгновенная смерть. Мозговой ствол разрушен.* Я перечисляю это мысленно, механически, потому что если не буду анализировать — начну кричать.

— Хорошая девочка, — усмехается тот, что держит меня.
— Не верещит. Ворону понравится.

— Ворон сказал: только эту не трогать. — Второй, с акцентом, отталкивает первого. — Поставь ее. Своими ногами.

Меня отпускают. Я делаю шаг, шатаюсь, и чудом не падаю — выставляю руку вперед, но не нахожу опоры. Ладонь упирается в воздух. Я одна посреди этого гаража, с телом за спиной и тремя мужчинами, которые смотрят на меня как на вещь.

Не падай. Не падай. Если упадешь — они подберут. И ты станешь как он.

Я сглатываю. Кляп все еще во рту, ткань промокла от слюны и крови, я чувствую привкус меди на языке. И слышу. Слышу, как где-то в глубине гаража открывается дверь, как шаги приближаются — другие, более легкие, почти бесшумные. Человек, который не топает, а скользит.

— Это она? — спрашивает новый голос. Женский. Спокойный, даже усталый.

— Она, — кивает бритоголовый. — Ворон велел доставить в медицинский блок. Лично.

— Тогда чего вы возитесь?

Женщина подходит ближе. Она невысокая, в черной куртке, волосы собраны в тугий пучок. На лице — ни тени сочувствия. Она окидывает меня взглядом, как вещь, которую нужно проверить на брак.

— Руки подними, — командует она.

Я не двигаюсь.

— Я сказала, руки подними. Или мне их поднять за тебя? Тогда с плечами будут проблемы.

Я поднимаю. Пальцы дрожат так сильно, что я слышу, как стучат ногти друг о друга. Она осматривает стяжки, щупает мои запястья, давит на отекающие кости — я шиплю сквозь кляп.

— Целые. Годится. — Она кивает своим мыслям. — Уберите кляп.

— Ворон сказал...

— Я сказала — уберите. Она не убежит. У нее ноги затекли.

Бритоголовый срывает кляп. Грубо, вместе с кусочком кожи на губе. Я дышу ртом, глубоко, как вынырнувший из воды. Воздух холодный, обжигает горло.

— Воды, — говорит женщина, и мне протягивают флягу. Я пью, расплескивая, давлюсь, но глотаю. Вода — теплая, пахнет резиной, но это лучшее, что я пробовала в жизни.

— Меня зовут Лина, — произносит она, когда я вытираю рот тыльной стороной ладони (руки все еще связаны, но уже ближе друг к другу). — Я буду курировать твое пребывание здесь, пока Ворон не решит, что с тобой делать. Если решишь вести себя глупо — будешь разговаривать с ним. Если умно — только со мной. Поняла?

Я молчу.

— Поняла? — повторяет она, и в голосе появляется ме-

талл.

— Поняла, — выдавливаю я. Голос чужой, каркающий.

— Отлично. — Она поворачивается к мужчинам. — Разрежьте стяжки на ногах. Пусть идет сама. Но если упадет — не поднимать. Пусть ползет. Ворон хочет видеть, из чего она сделана.

Стяжки падают. Я чувствую кровь, приливающую к ступням — тысячи иголок, больно, но хорошо. Я жива. Я еще жива.

Иду. Медленно, переставляя ноги, как паралитик на реабилитации. Тело позади меня остается в гараже, и я стараюсь не думать о том, что у него было имя. Что он тоже кого-то любил. Что минуту назад он дышал.

Лина открывает дверь. За ней — коридор. Белый. Стерильный. Запах формальдегида ударяет в нос, знакомый до боли. Больница. Но не та, где лечат. Та, где препарируют.

Ты в Академии жизни и смерти, — сказал Ворон. Я не знала, что это значит. Теперь начинаю догадываться.

Мы идем по коридору. Мои шаги гулко отдаются от кафельного пола. Лина идет впереди, не оборачиваясь. Она уверена, что я не сбегу. Она права.

Я смотрю на свои руки — запястья в кровоподтеках, стяжки все еще на них, болтаются как браслеты. Я — вещь. Товар. Инструмент, который доставили заказчику.

Но инструменты тоже могут сломаться.

Это единственная мысль, которая греет меня, когда мы

останавливаемся перед железной дверью с круглым иллюминатором. Лина стучит. Три удара. Пауза. Два.

— Войдите.

Голос изнутри. Низкий. Холодный. Тот самый.

Дверь открывается.

Глава 3. Первый взгляд хищника

Дверь открывается без скрипа —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.